

После войны его семья разделила трудную судьбу 12 млн. немцев, изгнанных со своих земель. Эти земли после многих столетий оказались “не исконными” немцами, а “исконные земли” лежали тогда в руинах. Кроме того, и “исконные земли”, как и многие семьи, оказались разделенными новой границей. Панцеры поселились на севере Германии в одной из бедных федеральных земель — Шлезвиг-Гольштейне, а их родственников разметало по обе стороны границы. После войны жизнь была тяжелой. На новой исторической родине большой семье, как и многим другим переселенцам, пришлось начинать с мизерного социального пособия и тяжелого труда.

Тяжело было после войны учиться и в гимназии, а потом и в университете. Но с каждым годом жизнь становилась, как вспоминает профессор, хоть на немного, но постоянно лучше. Тем, кто очень хорошо учился, государство, ставшее истинно демократическим и народным, платило особые стипендии. К числу таких стипендиатов принадлежал и будущий профессор Б. Панцер. Вскоре заговорили об “экономическом чуде”, отцами которого стали К. Аденауэр и Р. Эрхард. Благодаря им был сохранен и создан современный научный потенциал в стране, объединение которой “внукам Конрада Аденауэра” удалось увидеть после стольких лет ожиданий.

Немецким ученым есть чем гордиться. Большой вклад в немецкую науку внесли и сотрудники Института славистики Гейдельбергского университета. В этом большая заслуга принадлежит также и его директору — профессору Бальдуру Панцеру. Говоря о его 65-летнем юбилее, хочу заметить, что профессор, несмотря на свои достижения, является очень скромным и очень требовательным человеком, и требователен он прежде всего к самому себе. О каждой своей очередной книге он часто говорит как о последней (*Das ist mein 'Neues Testament'*), но почти сразу же принимается за переработку старых работ или написание новых.

Кто знаком с профессором лично, тот знает его не только как прекрасного ученого и великолепного лектора, но и как выдающегося рассказчика. Его воспоминания не только образны, но всегда даются на широком и интересном историческом фоне. Во многом они являются ценными свидетельствами своего времени, что делает их общественно значимыми. Представленные выше эпизоды жизни как раз и навеяны этими воспоминаниями. Не без нашей просьбы он уже выступил с интересной статьей под названием: “*Erlebnisse und Bekenntnisse eines deutschen Slawisten. Menschen und Institutionen*” [*Die Slawischen Sprachen*, 55, 1997, 142–148].

Поздравляя профессора Бальдура Панцера с его юбилеем, кроме традиционных пожеланий здоровья и успехов, хотелось бы ему пожелать, чтобы эти заметки он использовал бы со временем в книге, которая действительно могла бы стать его интересным личным “Новым заветом”.

*Олег Поляков,
Вильнюс*

Anna Zielińska. Wielojęzyczność staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Warszawa: Polska Akademia Nauk Instytut Sławistyki, 1996. 190 S. ISBN 83-86619-36-8.

Рецензируемая монография представляет собой докторскую (первую) диссертацию молодой варшавской лингвистики, научной сотрудницы Института славистики Польской Академии наук Анны Зелиньской. В данной работе ею была поставлена задача исследовать русские старообрядческие говоры Польши с упором на социолингвистические аспекты, которые ранее специально не изучались.

Почти 40 лет тому назад говоры небольшой русской общины старообрядцев северо-восточной части Польши уже были детально описаны в работах И. Грек-Пабиновой и И. Марыняковой с диалектологической точки зрения. В отличие от этих работ, в монографии А. Зелиньской впервые на первый план выдвигаются именно социолингвистические аспекты островных говоров и специально изучаются проблемы языковой компетенции, полилингвизма и особенности речевого общения их носителей. Особый интерес представляет в этом отношении выполненный автором монографии анализ степени владения языками, используемых старообрядцами (или их языковой компетенции). В центре интересов А. Зелиньской находятся проблемы языковых контактов, а при анализе языкового материала, собранного ею в 1987–1994 гг., особое внимание она обращает на один частный аспект этого вопроса, а именно на объем знаний польского языка этим языковым меньшинством.

Работа состоит из шести частей. В первой главе “Цели и методы работы” (с. 14–27) обсуждаются прежде всего теоретические основы монографии и анализируются такие важные для нее понятия, как языковые контакты, интерференция, билингвизм, диглоссия и т.д. При этом автор опирается не только на классические работы У. Вейнрейха, Э. Хаугена, Й. Фишмана и др., но и на новейшие исследования польских и немецких ученых, в том числе и на очень содержательную работу Г. Люди и Б. Пю (G. Lüdi, B. Py). Тем самым А. Зелиньска создает солидный базис для дальнейшего изучения вопроса о степени владения польским языком населением этого языкового острова, а также для выделения релевантных социолингвистических параметров при использовании того или иного языка.

Глава 2 “Община старообрядцев в Польше” (с. 28–55) содержит очень детальное и, в отличие от предыдущих работ, посвященным старообрядцам, актуализированное описание предмета исследования, при этом здесь излагаются также теоретические основы трактовки социолингвистических проблем. Особое внимание уделяется значению религиозных, этнических и языковых особенностей как основных факторов языковой интеграции. Важно, что исследовательница специально подчеркивает и существование дезинтеграционных моментов в жизни старообрядческого сообщества, которые стали для этого меньшинства значительными особенно после второй мировой войны.

Основную и наиболее объемную часть работы составляет 3-я глава монографии — “Польский язык старообрядцев” (с. 56–123), в которой детально описывается степень владения польским языком представителями указанной группы. Здесь автор приводит множество примеров языковой интерференции на всех языковых уровнях, объясняющихся наложением различных языковых систем. При этом речь идет не только об интерференции различных литературных языков, но также и диалектов этих языков, поскольку последние также играют существенную роль в речевой коммуникации. При этом в районах Сувалок и Августова наблюдается интерференция, обусловленная контактами островного русского говора с польским литературным языком и его диалектами, а в районе около Войново, кроме того, в контактах участвует также и немецкий язык. Автором вначале описываются фонетические (3.1), морфологические (3.2), синтаксические (3.3) и лексические особенности (3.4) польского языка старообрядцев, а затем они сравниваются, по мере необходимости, с особенностями исходных языков. Далее следует подробный анализ механизмов языковой интерференции, которые иллюстрируются многочисленными примерами. Важным является утверждение автора о том, что польский язык у старообрядцев представляет собой *species sui generis* и не является просто деформацией какой-либо разновидности польского языка, так как он без сомнения используется для повседневной коммуникации и функционирует также, как и окружающие его польские диалекты (с. 118–120).

В главе 4 “Социолингвистические аспекты исследования польского языка старообрядцев” (с. 124–156) подробно анализируются уровни языковой компетенции у населения различных островных говоров. Здесь обнаруживаются большие различия между разными возрастными группами, а также различия, связанные с местом проживания (в городе или деревне), степенью образованности и т.д. Основные результаты исследования подводятся затем в небольшой по объему завершающей монографии главе 5 “Основные итоги” (Zakończenie, с. 157–160). В ней делается четкий вывод о том, что сфера функционирования русского старообрядческого говора в настоящее время является весьма ограниченной. Этому способствует распространение среди старообрядцев польского языка на востоке Польши, и немецкого языка — в ее западной части, в Мазурии. Однако религия, занимающая особое место в жизни данной общины, является важным связующим фактором и гарантом сохранения старообрядцев как отдельной социолингвистической группы.

Приложение к данной работе (с. 161–190) содержит объемные и очень важные по содержанию тексты, отражающие специфику повседневной жизни старообрядцев, записанные 1988–1993 гг., а также богатую библиографию. В качестве дополнения здесь следовало бы обратиться к работе А. Раммельмайера “Zur Herkunft und Sprache der Philipprolen in Ostpreußen” в книге *Ost und West*, Wiesbaden, 1966.

В общем, монография А. Зелиньской содержит большой объем новой информации о современном положении русских старообрядческих островных говоров в Польше, особенно о полилингвизме их носителей. Все выводы данного исследования являются тщательно обоснованными. Есть все основания считать эту монографию не просто полезной и информативной работой, но рассматривать ее как шаг вперед в области методологии изучения языковых контактов, поскольку А. Зелиньска впервые использовала в систематической форме все параметры, релевантные для социолингвистических исследований; в этом отношении ее работа может служить образцом для дальнейших исследований в этой области.

*Клаус Стайнке, Эрланген
(перевод с немецкого)*

Тамара Лёнигрен. *Лексика русских старообрядческих говоров (на материале, собранном в Латгалии и на Житомирщине). (The lexicon of Russian Old Believers [based on material from Latgale and the Žitomir area].) With a summary in English.* Uppsala, 1994. 174 с., с тремя картами-схемами. (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia, 34.)

Т. Лёнигрен (Зинченко) принадлежит к числу немногих диалектологов, продолжающих в настоящее время традицию исследований русских старообрядческих говоров с так называемой “псковской основой”, которые интенсивно проводились с конца 60-х до начала 80-х годов в Литве, Латвии и Эстонии, а потом не прекращались только в Польше. Вместе с тем монография Т. Лёнигрен значительно отличается от предшествующих работ в этой области по своим целям и основным задачам, а также использованному материалу.

Новым в работе Т. Лёнигрен является введение в научный оборот некоторых данных о русских старообрядческих говорах с “псковской основой” на Житомирщине (Украина). Она обследовала говоры со смешанным русско-украинским населением дд. Русские Пилипы, Пилиповка, Большие Кошарища, Человка и показала, что старообрядцы, проживающие в этих деревнях бок о бок с украинцами, принадлежат